

Слёзы Турана -7: Отрада глаз МОИХ

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -7: Отрада глаз моих ОТРАДА ГЛАЗ МОИХ

...А вот и родной дом! Аджап проворно спрыгнула с коня, бросилась к старику. Растроганный хранитель царской библиотеки со слезами на глазах встретил юную путешественницу.

– Сладок ли был, дочь моя, ручей благополучия? – спросил отец.

– Да благословит тебя небо за добрые наставления, отец.

– Разум и способности, которые ты несешь в себе, – дар аллаха.

И пусть твоя слава будет лишь твоей!.. А надо мной Азраил уже расправляет страшные крылья.

– Не говори так, отец, здоровый вид твоего лица меня радует.

– Нет, дочь моя, руки уже плохо держат тростник, глаза у меня не видят строчек, трудно писать и читать. Готовься узнать тайны хранения царских книг.

– Достойна ли я такой чести?

– Будь тверда в своих желаниях, и ты многое в жизни сделаешь.

Слуги пригласили к еде.

У ковра уже хлопотала кормилица. Ее нежное лицо оттенялось черным отливом волос, на плечи спадали тугие косы. Несмотря на возраст, кормилица была розовощека и тонка в талии. Звали ее Зейнаб. Воспитывалась она в семье хранителя царских книг. Молодую рабыню купили в Хорезме. Поначалу она питалась остатками со стола хозяев, а после того, как умерла мать Аджап, Зейнаб перевели в хозяйский дом.

Прошли годы. Кормилица с Аджап были всегда вместе. Соблюдая приличие и скромность за обедом, Зейнаб и воспитанница жарко зашептали, оставшись вдвоем.

– Я очень устала, – говорила Зейнаб, – но радость на твоём лице дает мне утешение. Кроме тебя в этом мире у меня нет никого.

– Милая моя кормилица, я всегда прошу аллаха отблагодарить

тебя.

– Твоя чистая молитва, Аджап, видно, дошла до аллаха. – И кормилица со слезами на глазах прижала девушку к груди. – Когда я увидела разбойников, то в молитве просила Аллаха: если ему нужна душа женщины, пусть он меня отдает в руки Азраила.

– Вот аллах и послал мне ангела-избавителя.

– О ком ты говоришь?

– О джигите Ягмуре.

Кормилица вытерла глаза, долгим, изучающим взглядом окинула комнату.

– Ах, если бы он мог гордиться своим родом, как храбростью! – сказала женщина.

– Он ведь воин! И самый богатый и славный его родственник – храбрость.

Что-то дрогнуло на лице Зейнаб и она печально посмотрела на свою любимицу.

– Путь к любви, как и дорога к светлому колодцу «Зем-зем», который находится на пути в Мекку, лежит через пустыню. И всякий, кто желает напиться из этого колодца, должен перенести все невзгоды и трудности тяжелого пути. Милая моя Аджап!.. – кормилица коснулась своих грудей.

– Как только я увидела этого джигита, сердце мое наполнилось радостью. Я поняла, что Аллах дарит мне счастье.

– Да благословит небо вашу встречу, мой цыпленочек, – и кормилица поцеловала Аджап. – Среди приближенных Султана много говорят о твоих стихах. Я очень рада. Мне сказал хранитель книг, что красотики гарема рады были бы услышать твой голос. Недавно шахиня присылала горбатого воина и приглашала тебя с лютней... В гареме были бродячие артисты, и женщине, которая ходила на руках, нужна была музыка

– Горбун был здесь?

– Был. И долго разговаривал с хранителем царских книг о толкованиях вавилонских иудеев.

– Кормилица, меня радует, что у тебя пробудился интерес к жизни. Ты стала многое примечать...

– Мне на помощь приходит мудрость хранителя царских книг, да благословит аллах его доброе и преданное султану сердце!

– Так редко встретишь доброту в наши дни, – отозвалась Аджап, мрачней лицом.

– Что встревожило тебя? – спросила Зейнаб.

– В народе говорят, что лучше поверить вору, чем уроду. Храбрый джигит, вступивший в бой с четверьмя разбойниками, знает о горбуне такое, что хочет доверить только достойному человеку.

– Пусть из доброго кувшина вода выльется на лучшие растения... Тяжелое время. Каждая живая душа, как нора в земле – таит змею. Все труднее жить просто и честно. Аджап, почему люди до сих пор не усвоят истину: живи добром, доживешь до ста?!.

– Милая кормилица, ты старше меня и больше видела в жизни. Но и я, путешествуя в Самарканде, поняла, что многое на этом свете делается не так, как требует справедливость.

– А надо ли это знать? – отозвалась кормилица. – Береги счастье свое. Ибо однажды прорвав насыпь, река не всегда возвращается в русло. Жизнь – это сложно! Так говорит хранитель книг, и поэтому надо знать главные в жизни силы. Но кто это может знать? В чем смысл судьбы? Ты помнишь, дорогая моя, как оса пригласила на обед муравья, сказав, что её обедами питается падишах?.. А сама у лавки мясника села на мясо, где ловкач перерубил ее. Муравей подобрал одну из частей и сказал: каково пастбище, такова и смерть...

– Что же остается для истины?

– Загадки судьбы!.. Не согласись муравей идти в гости к осе, может быть и оса не умерла бы; не пожалей мясник кусочка мяса, не прав был бы муравей... Не похвались оса, не в чем было бы обвинять муравья!..

– Кормилица, почему радость нашего разговора омрачают звуки скорбных рассуждений, которые я слышала в Самарканде?.. Давай поговорим о хорошем.

– Я согласна, – ответила Зейнаб. – Но только послушай... послушай мой последний наказ. Скоро ты будешь во дворце. Так пусть же блеск драгоценностей и медок обхождения не затмят твою искренность, которую ты познала по дороге в Мерв. Да не погубит твоей любви ловкач из свиты султана!.. Береги искренность, Аджап. Берегись!.. Не то с тобой может случиться

вот что!.. Смотри... – женщина распахнула одежду.

На теле кормилицы зияли, вместо груди, две большие заросшие раны.

– Что это? – испугалась девушка.

– Потерянная искренность... Я никогда не говорила тебе, но время пришло... Я тоже была молодой. Любила... Но судьба подбросила мне крючок с красивой наживой. Проглотив приманку, я поняла, что потеряла всё!.. Хотела сорваться с золотого крючка, но ловкач приказал палачу раскаленными щипцами откусить мои груди... Лишить самого дорогого – материнства. К счастью, я нашла тебя, забыв о прошедшем.

Девушка затрепетала.

– Будь счастлива, Аджап! Но помни: дворец – гнездо горячих и запретных страстей. Женщина при султানে – причина многих кривотолков и трагедий. Будь верна, Аджап, только своему искреннему чувству к избранному.

– Кормилица, мне боязно. Сердце у меня холодеет при виде твоих ран.

– Не бойся, моя ласточка, я буду рядом с тобой. Раскаленное железо не тронет твое нежное тело. Пусть шакал кусает мое... Ты – избранница! Люди, народ должны знать о тебе.

– Много ли счастья в широком мире, если твои туфли тесны?

– Иди по жизни смело, Аджап, но не думай, что у всякой белой козы много добра! Ты умная и сильная. Ту-ран помнит многих женщин, ставших достойными дочерьями народа. Надолго сохрани свет и тепло в своем сердце. Не верь коварному золоту.

Кормилица Зейнаб, вытерев слезы, поправила одежду, накрыла раны бронзовыми тарелочками и подвязала их шарфом. Потом тихонько подошла и поцеловала девушку.

– Спи. И пусть приснится тебе смелый джигит, вырвавший из рук смерти...

Разволновавшаяся Зейнаб еще что-то прошептала, потом накинула на Аджап легкое одеяло и потушила светильник. Taryhu proza